

Красная звезда

«Не болит голова у дятла...»

...Что за птица такая удивительная, этот дятел? Приник к стволу старой ели, распластался на ней, слившись воедино: птица и старое дерево. И долбит, долбит, не уставая...

И вдруг не то барабанная дробь, не то пулеметная очередь пронзает тишину леса. Это дятел так поет, привлекая свою красотку. Но выдал, выдал ударник себя! Вот сквозь еловые ветви на стволе мелькнуло красное – это хвостовое оперение. Вот так же долбил и 70 лет назад, может, прапра-прадед того дятла, про которого отец говорил: «Эх, не болит голова у дятла! Долбит себе и долбит!» Поговорка у него была такая... Голова отца могла болеть по многим причинам: как прокормить, одеть, обусть и выучить, в люди вывести семерых детей. Олечка все это тогда вряд ли осознавал, просто уж очень смешно это отец говорил про этого дятла!

Ель тогда была во много раз меньше, но Олегу она казалась огромной, как и весь лесок вокруг – молодой и стройный, казался темным лесом. Страшным и опасным, и в этом лесу где-то таился злой фашист, подстерегающий мальчика и его сестренку. У этой ели верхушка срезана – это отец учил мать стрелять из своей двустволки – так, на всякий случай, учил, а она и снесла верхушку этой молоденькой елке, которая казалась пацану большим деревом, так она и стоит, подрезанная, по сей день. Впрочем, для него все деревья тогда были большими...

А родители – самыми красивыми, самыми сильными; от беды защитят, от напасти спасут. Вот на этом старом портрете, который висит на стене старого дома в Бернгардовке, они остались такими навсегда: молодые, красивые и влюбленные.

1927-ой год. Ленинград. В семье Ивана и Афанасии Костроминых уже двое детей: дочь Оля и сын Леня. А Олега, Алевтины, Лиды, Лии и Людмилы еще нет и в помине... Иван Акимович к тому времени уже прошел первую мировую, о которой он почему-то всегда говорил «империалистическая», поучаствовал в гражданской и женился только к 26 годам на хорошей девушке Афанасии Трофимовне, которая была младше его почти на пять лет. От голода в 20-х годах бежали они из родной деревни на Ярославщине в большой город Петроград, где грамотному Ивану Акимовичу нашлась работа домоуправа и даже комнату дали. Когда посыпались один за другим дети, прибавилась еще одна комната. Большая семья: семеро детей и двое взрослых занимали две комнатки в коммунальной квартире за номером 25 в доме №109 по улице Римского-Корсакова. И были вполне счастливы.

А в 1929 году отец напрягся и купил вот этот домик за железнодорожной станцией в Бернгардовке. На 25-ти метрах – и кухня, и спальня, и гостиная. Но зато – простор, свежий воздух, приволье, дом стоял практически в лесу, где полно грибов и ягод. Рукодельный отец выстроил просторный сарайчик с сеновалом и перед самой войной купил корову! Семья проводила на даче в Бернгардовке времени даже больше, чем в городской квартире. Дети росли крепкими, как белые грибки. Мать завела еще и огород, и семья провела несколько счастливых солнечных лет в этом домике за железнодорожной станцией.

Он и сейчас стоит там же, где стоял, ничуть не изменившись по площади и внешнему виду. Правда, два нижних венца Олег Иванович уже два раза менял: все-таки больше 70-ти лет прошло. Деревья выросли, но уже почему-то не кажутся такими большими, как раньше. Колодец с журавлем тот же и дятел здесь же, как член семьи... Рядом еще несколько домиков выросло – небольших и аккуратных, дети и внуки сестер не оставляют родное место. А Олег Иванович Костромин приезжает сюда постоянно, и не только летом. «А мне здесь и дышится, и пишется легко. Я здесь практически все свои стихи написал», – говорит он мне. Здесь все дышит воспоминаниями, они здесь оживают, обретают плоть и голос.

«Укатил отца вагон в Невскую Дубровку»

Мы два часа сидим в этих старых стенах и разговариваем о том, как отдельно взятая большая ленинградская семья сражалась за жизнь, как провожала на фронт мужа и отца, сына и дочь, как ждала их, как получала похоронки, как выжила и как победила. И в этих воспоминаниях – такие живые подробности, такие яркие детали и краски, что далекое делается ближе. Хотя и видишь войну глазами ребенка. Но у детей порой бывает удивительная память и очень острый взгляд.

«Я на самом деле многое помню, – говорит

Нет в России семьи такой...Нет семьи, которая бы не отправила на эту Великую и Отечественную, народную, священную войну мужа, брата, сына, дочь. Нет семьи, которая бы не потеряла своих родных. Сражались все, даже дети. И подвиг их в том, что они – победили и выжили. Олег Иванович Костромин – в числе победивших смерть. Когда началась война, ему было два года. Самому младшему ребенку в семье – Людочке – к началу 41-го исполнилось два месяца.

А всего их было семеро, младших Костроминых: пять девочек и два мальчика. С войны не вернулись двое: глава семьи Иван Акимович Костромин и старший сын, Лёня. А всего на фронтах Великой Отечественной, в боях, от ран и от голода в блокадном Ленинграде погибли 12 братьев Костроминых. Вся мужская составляющая фамилии. И в 45-ом только Олег, которому к тому времени исполнилось семь лет, остался единственным представителем мужской ветви этого старинного крестьянского рода.

Когда деревья были большими...

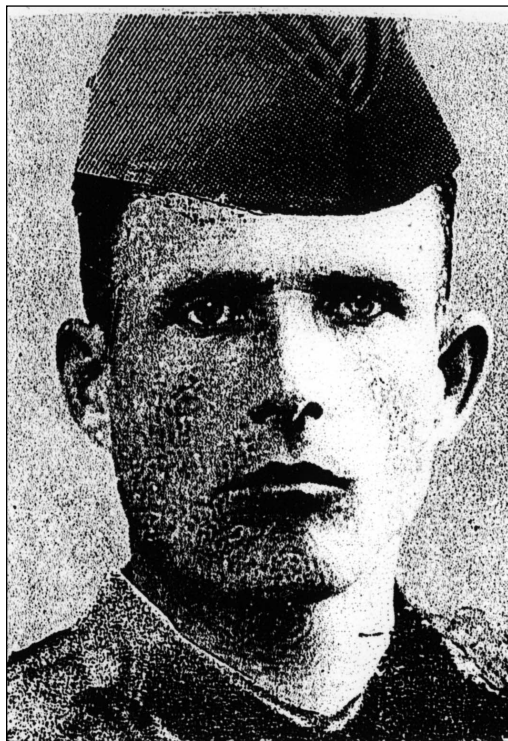
Отец: Иван Костромин, в I мировую войну.

Олег Иванович. – А, может быть, это то, что называется «коллективной памятью». Возможно, переплелись воспоминания мамы, сестер и мои, – ведь мы столько раз обо всем с ними говорили, что все сложилось, будто «пазлы», воедино.

Хотя воспоминания только мои. Например, об отце. Почему-то помню его щетину, когда прижал он меня к щеке, прощаясь на станции в Бернгардовке, поцеловал на прощанье. И я так горько заплакал, и он быстро меня передал на руки матери. Грустно мне так стало, что отец уезжает куда-то, да еще и калоши было так жалко! Новенькую калошу фабрики «Красный треугольник» потерял я по дороге на станцию. Маленькие они такие были, с красивой красной фланелевой подкладкой внутри, и от них так вкусно пахло резиной... Когда я уже из армии пришел, и мать мне говорит: «А помнишь, мы отца на фронт провожали?» – Я говорю: «Да, помню, я еще калошу новую потерял, красивую такую!» А мать протягивает мне крохотную, с ладонь, калошу и говорит: «Вот, я ее сохранила, вторую-то, не потерянную!». Я так изумился. И ведь она у меня до сих пор хранится».

Олег Иванович открывает старый шкаф, достает эту дорогую семейную реликвию. А потом хозяин показывает фото из семейного альбома, по ходу дела комментируя события и факты семейной биографии...

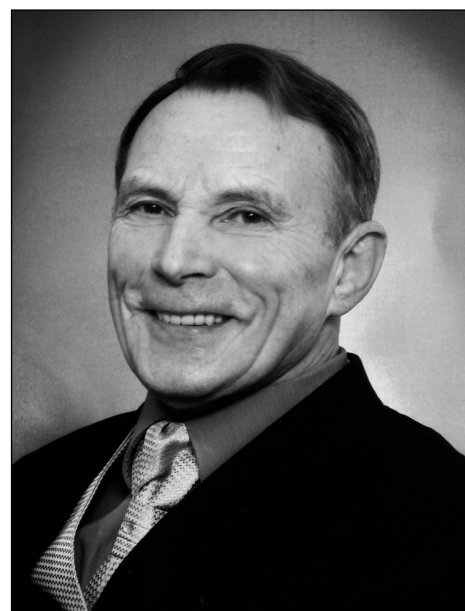
– Отец был мудрый человек. В первые дни войны он сказал матери: «В эвакуацию не поедем, семеро детей, ты их просто растеряешь». Младшей, Людочке, было всего два месяца, мне два года. Старшей, Ольге, к началу войны было 17

Отец: И. А. Костромин, погиб в 1943 г., в феврале.

лет, брату Лёне – 15. Ну а «посередке»: Лиды, Алевтина, Лия, практически погодки. Отец говорит: «В Ленинграде вам тоже оставаться нельзя, не прокормиться, погибнете». Он две войны к тому времени прошел и знал, что это такое. В 41-ом его не призвали: многодетных не брали, да и лет-то ему было уже «за сорок». Ну а в 42-ом все же отправили в Невскую Дубровку. Лиды, средняя сестра, ей уже 12 лет было, несколько раз ездила к нему. Мать соберет какую-то посылочку, посадит ее в Бернгардовке на поезд, и она едет. Приезжает, рассказывает: «Они влятером в землянке, а винтовок у них нет вообще, сказали в первом бою добыть». Наверное, отец эту самую винтовку добыл и погиб в январе 43-го, при первом прорыве блокады. Приехал к нам его однополчанин спустя некоторое время, рассказал, что видел отца уже раненым. Лежал наш Иван Акимович на плащ-палатке, осколок мины попал ему в живот. Просил он этого человека обязательно найти нас, сказать слово прощальное и по возможности помочь хоть чем-то. Сокрушался очень: «Семеро детей, как она справляется, Афоня моя!»...

Уже после войны мы узнали, что отец еще месяц в госпитале прожил. А госпиталь был в нынешней больнице имени Мечникова – совсем рядом с Бернгардовкой! Мать все плакала, если бы знала – ползком доползла, на руках его принесла в наш домик на Бернгардовке и выходила бы бату... Кстати, Ольга (а она у нас медик), говорила, что если после ранения в живот человек прожил еще целый месяц, значит, у него был немалый шанс выжить. Нашли мы после войны и место, где

О. И. Костромин, наши дни.

отца похоронили. Братская могила на Пискаревке, место № 50. Будете на Пискаревке, обратите внимание, там есть фамилия: Костромин И.А. Это наш отец. Мы к нему приходим 9 Мая, а иногда и в другие дни. Раньше нас много приходило, а с годами все меньше нас, его детей, остается. Но будут наши дети и внуки приходить...

Моему отцу Ивану Акимовичу... посвящается

Ель зелёная стоит, ветви ввысь вздымая,
А под ней внучок сидит, весело играет.
...Сколько выросло под ней девочек-мальчишек –

Елка помнит! Я малой, худенький и босый,
А отец мой молодой – отбивает косу.
Помню, «бабку» вбив в кряжу, он на стул садится.

Говорит: Смотри сынок, может, пригодится!
Молотком он так играл, занят делом важным.
Что глазами я моргал при ударе каждым!
Но вот грянула война над страной нашей,
Нет ни хлеба, ни пшена, из дуранды каша,
Укатил отца вагон в Невскую Дубровку,
Там на пятах одну выдало винтовку.
Помню, оттепель была, пахло все весною,
Почтальонша к нам пришла с сумкою большою...

Двор пронзил истошный крик, мать моя упала,
Помню, я узнал в тот миг, что отца не стало.
...С той поры прошел не год, более полвека.
Только помнит мой народ подвиг человека
Ель зеленая стоит, и заря румяная.

А под елкою Богдан, правнучек Ивана.
Старший брат, Лёня, погиб в 44-м под Нарвой...
Его забрали на фронт в 43, и ему еще не было даже восемнадцати. С начала он служил в Кавголове, там была школа снайперов, потом на пулеметчика учился, а потом весь 26-й год рождения отправили под Нарву. Ранение в позвоночник, и в тот же день он скончался.

Олег Иванович показывает мне фотографию: мальчик в пилотке. Леонид Иванович Костромин. «Пал смертью храбрых, как было написано в похоронке, под Нарвой, северо-западнее деревни Усново».

– Вот так, – подводит итог жатвы войны Олег Иванович, – получилось так, что отец и старший брат ушли и не вернулись. А Оля вернулась. Военфельдшер, лейтенант медицинской службы. Она ушла на фронт вслед за отцом, и ей тоже еще не было восемнадцати. Мы отцу не сообщали, не хотели его расстраивать. Она прошла все, войну закончила в Чехословакии, в 45-м вернулась вся в орденах и медалях. Помню, привезла очень вкусных конфет, которых я никогда не видел, и шпик такой, подкопченный, очень вкусный. Вкуснее того шпика я ничего никогда не ел. И запах его я помню. Вообще, с едой в нашей жизни в Бернгардовке было много чего связано...

«Корова, хряпа и лес...»

– Вот прямо здесь у нас, – и Олег Иванович рукой обводит пространство вокруг домика, – стоял гарнизон. Машины стояли на колодах. В этом сарайчике, который построил отец, на втором этаже жили офицеры.

Помню, как мы с мамой остатки капусты собирали. Здесь же у нас тогда не было ни колхозов, ни совхозов, а была сельскохозяйственная коммуна. Они капусту собирали, но после уборки что-то на полях оставалось, какие-то кочерыжки, листья... И мать собрала нас всех, взяла мешки, и мы пошли по полям собирать остатки. Насобирали столько, что мать нарубила сечкой трехсотлитровую бочку серой хряпы. Эта хряпа немало жизней спасла, и не только нам, детям. Солдат кормили плохо, отлично помню, как привезли их несколько, не